

Научная статья

УДК 130.2

<https://doi.org/10.24158/fik.2022.2.2>

Постчеловек. Основные траектории

Алексей Владимирович Шляков

Тюменский индустриальный университет, Тюмень, Россия,
schafferhund@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4294-2704>

Аннотация. Статья посвящена исследованию основных траекторий построения модели постчеловека в западной гуманитаристике. Выявлены предпосылки необходимости отказа от классического гуманизма. Изучена диалектика различий классического антропоцентризма, в которой инаковость воспринималась негативно – как оппозиция субъективности – и приводила к трагическим последствиям для тех, кто был причислен к «другим». Выделены главные направления формирования постчеловека: становление животным, становление земель, становление машиной, призванные снять отрицательные последствия гуманизма. Траектория «становление животным» подразумевает преобразование доминирующего единого человека в трансвидовой симбиоз. Становление земель требует обращения к геоцентричному мышлению, где человек выступает не только биологическим продуктом, но и геологической силой. Становление машиной устанавливает трансверсальные связи между разнородными агентами. Предложены этико-эпистемологические подходы недопущения иерархизации как источника насилия, такие как диалектика отношений, этика созависимости, признание природно-культурного континуума, зое-эгалитаризм, дефамилиаризация.

Ключевые слова: постчеловек, человек, гуманизм, различие, становление, субъектность, культура, природа, другой

Для цитирования: Шляков А.В. Постчеловек. Основные траектории // Общество: философия, история, культура. 2022. № 2. С. 22–25. <https://doi.org/10.24158/fik.2022.2.2>.

Original article

Posthuman. Main trajectories

Alexey V. Shlyakov

Industrial University of Tyumen, Tyumen, Russia,
schafferhund@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4294-2704>

Abstract. The article reveals the study of main trajectories of creation of a posthuman model in Western humanities. The prerequisites for the need to abandon classical humanism are shown. The dialectic of differences of classical anthropocentrism is investigated, in which otherness was perceived negatively as an opposition to subjectivity and led to tragic consequences for those who were classified as “others”. The main directions of posthuman formation are highlighted: becoming an animal, becoming an earth, becoming a machine, designed to remove the negative consequences of humanism. The trajectory of “becoming an animal” implies the transformation of a dominant single person into a transpecific symbiosis. Becoming the earth requires an appeal to geocentric thinking, which implies a person is not only a biological product, but also a geological force. Becoming a machine establishes transversal connections between heterogeneous agents. Ethical and epistemological approaches to preventing hierarchization as a source of violence are proposed, such as dialectics of relations, ethics of codependency, recognition of the natural cultural continuum, zoe-egalitarianism, defamiliarization.

Keywords: posthuman, human, humanism, difference, formation, subjectivity, culture, nature, other

For citation: Shlyakov, A.V. (2022) Posthuman. Main trajectories. *Society: Philosophy, History, Culture*. (2), 22–25. Available from: [doi:10.24158/fik.2022.2.2](https://doi.org/10.24158/fik.2022.2.2) (In Russian).

В последние годы в философских публикациях часто можно встретить темы, посвященные радикальному пересмотру, казалось бы, привычных понятий, по которым в академических кругах достигнут консенсус. Подобные труды в ряде случаев выступают вариацией комбинирования приставок «пост-», «мета-», «гипер-» и могут показаться произвольной механической сборкой. Однако теоретические дискуссии оказывают качественное влияние на мнения об атомарном представителе нашего вида и структуре человеческой идентичности при взаимодействии с людьми, природой. Подобным трансформациям подвергся и гуманистический дискурс. Дискуссии о постгуманизме разворачиваются в основном в западной литературе благодаря работам

М. Фуко, Д. Батлер (Butler, 2015), Ф. Варела (2001), Н. Винера (2019), Б. Латура (2006), П. Слотердайк (2001), Д. Харауэй (2017) и др. В их трудах можно обнаружить два умонастроения: оптимистическое и скептическое (Хабермас, 2002). Скепсис связан с риском утраты Человеком статуса «меры всех вещей», господства в качестве доминирующего представления о центре мироздания и ожидаемыми последствиями в виде моральной и экономической паники (Rose, 2007). Однако часть зарубежных авторов воспринимают постгуманистический вектор в гуманитаристике, политике и экономике с определенным восхищением.

Предпосылками переосмысления гуманизма послужили последствия антропологического кризиса, сказавшегося на гуманитарных науках, которые отправлены в разряд «неточных»; развитие телетанатологических машин, совершенствующее способы умерщвления человека; экологический кризис; расовая, гендерная, экономическая сегрегация.

Возникшая в Возрождении модель гуманизма превратилась в образ цивилизации, распространившийся на Европу как господствующий. Европа стала не просто политическим пространством, но и «неотъемлемым свойством разума, способным придать собственную оптику любому объекту» (Брайдотти, 2021: 32). Европа стала считать себя матерью разума, способного к трансценденции, а гуманизм – своей частью, которая превратилась в универсальную парадигму.

В рамках этой парадигмы двигателем развития универсального гуманизма выступала диалектика «я» – «другой», в которой инаковость воспринималась негативно, как оппозиция субъективности. Различия трактовались как неполноценность или девиация и зачастую натурализовывались (отождествление с животным). Это приводило к трагическим последствиям для тех, кто был причислен к «другим». Ограниченность возможности обретения статуса человека в гуманизме является одной из предпосылок обращения к постгуманизму.

Представленный как абстрактный образ, человек в мировоззрении гуманизма обладал вполне конкретными характеристиками: белый европейский гетеросексуальный мужчина. Распространение этого образа на весь человеческий вид недопустимо и эпистемологически, и этически в силу истории фашизма, расизма и колониализма (Wage, 1992). Универсальный образ не вытекал из естественного закона, а был результатом конвенции и задавал нормативность, что формировало практики эксклюзии и дискриминации. Трагические события XX в. привели постструктуралистов к необходимости отказа от идей трансцендентального субъекта (Ж. Делёз), фаллоцентризма (Л. Иригарей), гуманизма (М. Фуко), европоцентризма (Ж. Деррида).

Указанные противоречия гуманистической теории вызвали необходимость разработки иных подходов к человеческой субъективности и месту человека в мире. Эти подходы, которые в целом носят постгуманистический характер, формируются по трем основным направлениям: этическое, научно-техническое в аналитической форме и критическое. Оригинальная версия критического подхода была предложена и Р. Брайдотти. Отправной точкой ее постгуманистической теории является замещение бинарного различия между природой и обществом континуумом природы – культуры, что приводит к трем основным траекториям преобразования структур субъективности: становление животным – становление землей и становление машиной (Брайдотти, 2021: 130).

Траектория «становление животным» подразумевает преобразование доминирующего единого человека в трансвидовой симбиоз. Освобожденный центр должен быть заполнен другими видами. Положение гуманистического человека было привилегированным ввиду присвоения языка, который выступает именно «антропологическим инструментом», и наличия понятия «разумное животное», которое рационально разрабатывает свойства себя и «другого». Из этой иерархии, подчиненной негативной диалектике различия, любые модели телесности, не являющиеся белым, нормальным, здоровым, молодым мужчиной, исключаются. Любые зооморфные организмы занимают либо маргинальное, либо приближенное положение, но все-таки «другого» по отношению к человеку. Животные – это признаваемые «другие». Их отношения с человеком, как считает Р. Брайдотти, обусловлены классическими критериями близости: эдипизацией, функциональностью, фантазмами (страхом).

Эдипиальность отношений исходит из преимущества человека обладать свободным доступом к телу другого и владения им. Ж. Деррида видел в этом «карнофаллоцентризм», выступающий источником и телесного, и эпистемологического насилия (The Derrida – Habermas Reader, 2006). Его проявления можно обнаружить в различных культурных актах, таких как склонность к метафоризации животных, представляющей их этическим нормативом. Репрезентация включенных в социальную жизнь человека животных была исторически ограничена набором нарративов, в которых, несмотря на близость к человеку, животное все же оставалось радикально другим, выступая природно-культурным конструктом.

Функциональное отношение к животным связано с их участием в рыночной экономике. Они выступают своеобразным пролетариатом, эксплуатируемым людьми. Помимо этого, человек рассматривал животных и как промышленный ресурс (молоко, шерсть, шелк, шкура, кости), и как живой

товар. Необходимо также учесть роль животных в научных экспериментах – от космонавтики до косметологии. Постгуманистические отношения предлагают отказаться от диалектики различий в пользу зое-эгалитарного поворота, предусматривающего равноправные отношения человека и животных и уход от дискриминации к моральному принятию деятельных возможностей тел.

Фантазматические отношения возникают при столкновении с образами вымерших или экзотических животных, вызывающих страх. В современном высокотехнологичном мире необходимо признать видовую трансгрессию животных, причем не только на аффективном уровне, но и на биологическом. Когда речь идет о клонированных животных, то происходит уход от гендерных дихотомий к гетерогенным синтезам организма и механизма, биологии и технологии. При их восприятии наблюдается нивелирование линейного времени в пользу темпоральной процессуальности: уже не-животное, еще не машина, таким образом становящееся вечным разворачиванием Эона (прошло-будущего, исключая событие настоящего) (Делёз, 2011: 86). В таких условиях привилегированность человека крайне сомнительна, ведь человек смертен, а клон не умрет никогда (ибо не рожден). Трансгуманизм предлагает создавать новые правовые репрезентации системы родства, в которых представитель биологического вида не будет рассматриваться с позиции «годности для эксплуатации».

Рассмотрение человека в планетарной оптике требует создания дополнительных критериев, учитывающих экологическую проблему, которая принципиально отличается от других проблем, и потому субъект определяется геоцентрично. Согласно Р. Брайдотти, траектория становления земель должна опираться на ряд противоречивых условий. Сущее, выступающее самоорганизующейся материальностью, должно быть согласовано с расширением поля субъективности постчеловека, являющегося гибридной с нечеловеческими агентами. Эта идея предусматривает отказ от привилегированности человека, трансцендентальности разума, диалектики признания и допускает имманентность отношений (Брайдотти, 2021: 129). Стирание модернистского различия между культурой и природой, а также изменение статуса технического объекта, который перестает быть «иностраным телом», протезом, с необходимостью приводят к геоцентричному мышлению, подразумевающему человека не только биологическим продуктом, но и геологической силой. Существуют теории, рассматривающие землю как целостный организм, однако они продолжают использовать диалектику конструктивизма, противопоставляющую землю – технику – культуру, осуществляя гуманизацию среды, что обуславливает технофобию (Нэсс, Мейляндер, 2013). В постгуманистическом мире любая иерархия мышления должна быть исключена как источник насилия. Для этого при становлении земель предлагается признать нечеловеческое определение жизни как зое – генеративной силы, витальной энергии. Как пишет Р. Брайдотти, «способом достижения этого будет стратегия дефамилиаризации и отступления от доминирующего образа субъекта» (Брайдотти, 2021: 171). Данный процесс требует избавления от когнитивных стереотипов, привязанностей к привычному, он связан с обретением номадического импульса, который приведет к взаимодействию со множеством реляционных трансвидовых потоков.

Становление машиной постчеловека вызвано фундаментальными изменениями в отношениях человека и техники, приведшими к трансгрессии органического и технического на структурном и онтологическом уровнях. Возникновение новой политэкономии, связанной с взаимной модификацией человека и машины, порождает новые искушения, обусловленные удвоением нервной системы, ее экстерииоризацией в виде электронных сетей. Доминирующей социокультурной формой постмодерна выступает кибернетический организм, что оказывает существенное влияние на изменение субъективности постчеловека и этики. Машинную витальность, которая уводит от состояния к процессу, Ж. Делёз связывает с освобождением тела от вовлечения его в социальное производство, в жесткую иерархическую систему и становлением «телом без органов» (Делёз, Гваттари, 2007). Эта программа ориентирована на осмыслении телесности как элемента природно-культурной целостности в новой политической оптике, оппозиционной капиталистической. Переход к постчеловеческому состоянию подразумевает виртуальную социальную экологию, в которой экология среды, социума и духа будут связаны трансверсальными траекториями. Подобная экология позволит выявить связь между расизмом и экологическими проблемами, гендерной сегрегацией и потреблением (Брайдотти, 2021: 179). На смену признания приходит созависимость, а на смену традиционной морали – этика развития.

Ф. Гваттари предлагает снять различие между самоорганизующимися и неустойчивыми, аллопоэтическими системами, он переносит аутопоэтическую субъективацию и на живое, и на техническое. У техники есть своя темпоральность, проявляющаяся через развитие поколениями, собственные формы инаковости и ориентация на метастабильность, которая выступает условием индивидуации (Guattari, 1995). Таким образом техника тоже служит полем постчеловеческого становления.

Образ постчеловека, в каких бы направлениях он ни проявлялся, коррелирует с отказом от диалектики различия, универсальной морали, унитарной субъектности, а также с осознанием природно-культурного континуума, что подразумевает трансверсальные связи между агентами разнородного генезиса. Целью этой модели является недопущение жесткой структурной иерархии, служащей источником насилия и сегрегации.

Список источников:

- Брайдотти Р. Постчеловек. М., 2021. 404 с.
Винер Н. Кибернетика и общество. М., 2019. 288 с.
Делёз Ж. Логика смысла. М., 2011. 472 с.
Делёз Ж., Гваттари Ф. Анти-Эдип. Капитализм и шизофрения. Екатеринбург, 2007. 670 с.
Латур Б. Нового времени не было. Эссе по симметричной антропологии. СПб., 2006. 238 с.
Матурана У., Варела Ф. Древо познания: биологические корни человеческого понимания. М., 2001. 224 с.
Нэсс А., Мейляндер П. Менталитет будущего // Зеленый лист: Карельский экологический журнал. 2013. № 3. С. 36–39.
Слотердайк П. Критика цинического разума. Екатеринбург, 2001. 583 с.
Хабермас Ю. Будущее человеческой природы: на пути к либеральной евгенике? М., 2002. 144 с.
Харауэй Д. Манифест киборгов: наука, технология, и социалистический феминизм 1980-х. М., 2017. 128 с.
Butler J. Senses of the subject. N. Y., 2015. 228 p.
Guattari F. Chaosmosis an Ethico-Aesthetic Paradigm. Sydney, 1995. 142 p.
Rose N. The Politics of life itself: biomedicine, power, and subjectivity in the twenty-first century. N. Y., 2007. 368 p.
The Derrida – Habermas reader / ed. by L. Thomassen. Chicago; Edinburgh, 2006. 330 p.
Ware V. Beyond the Pale: White women, racism and history. L.; N. Y., 1992. 263 p.

References:

- Braidotti, R. (2021) *The Posthuman*. Moscow, Izdatel'stvo Instituta Gaidara. (In Russian)
Butler, J. (2015) *Senses of the subject*. New York, Fordham University Press.
Deleuze, G. & Guattari, F. *Anti-Oedipus: Capitalism and schizophrenia*. Yekaterinburg, U-Faktoriya. (In Russian)
Deleuze, G. (2011) *The Logic of sense*. Moscow, Akademicheskii Proekt. (In Russian)
Guattari, F. (1995) *Chaosmosis an ethico-aesthetic paradigm*. Sydney, Power Publications.
Habermas, J. (2002) *The Future of human nature. On the way to liberal eugenics?* Moscow, Ves' Mir. (In Russian)
Haraway, D. (2017) *Manifesto for cyborgs: Science, technology, and socialist-feminism*. Moscow, Ad Marginem Press. (In Russian)
Latour, B. (2006) *We have never been modern*. Saint Petersburg, Izdatel'stvo Evropeiskogo universiteta. (In Russian)
Maturana, H.R. & Varela, F.J. (2001) *The tree of knowledge: The Biological roots of human understanding*. Moscow, Progress-Traditsiya. (In Russian)
Naess, A. & Meijaender, P. (2013) Future thinking. *Zelenyi List: Karel'skii Ehkologicheskii Zhurnal*. (3), 36–39. (In Russian)
Rose, N. (2007) *The Politics of life itself: Biomedicine, power, and subjectivity in the twenty-first century*. New York, Princeton University Press.
Sloterdijk, P. (2001) *Critique of cynical reason*. Yekaterinburg, Izdatel'stvo Ural'skogo universiteta. (In Russian)
Thomassen L. (ed.) (2006) *The Derrida – Habermas reader*. Chicago, Chicago University Press; Edinburgh, Edinburgh University Press.
Ware, V. (1992) *Beyond the Pale: White women, racism and history*. London, New York, Verso.
Wiener, N. (2019) *Cybernetics and society*. Moscow, AST. (In Russian)

Информация об авторе

А.В. Шляков – доктор философских наук, доцент, профессор кафедры гуманитарных наук и технологий, Тюменский индустриальный университет, Тюмень, Россия.
https://www.elibrary.ru/author_items.asp?authorid=680196.

Information about the author

A.V. Shlyakov – D.Phil., Associate Professor, Professor of the Department of Humanities and Technologies, Industrial University of Tyumen, Tyumen, Russia.
https://www.elibrary.ru/author_items.asp?authorid=680196.

Статья поступила в редакцию / The article was submitted 28.12.2021;
Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 17.01.2022;
Принята к публикации / Accepted for publication 08.02.2022.